

Усадьба Чжэньюань была залита огнями; лекари сменяли друг друга один за другим.

Госпожа Чжэн в исступлении комкала в руках платок, ее пальцы мелко дрожали. Глядя на изувеченную правую руку Чу Чжаоцзяна, она не могла сдержать слез, то и дело принимаясь рыдать.

— Хоуе, рука Чжаоцзяна... — выдавила она сквозь всхлипы.

Указательный и средний пальцы на правой руке имели решающее значение. Без них юноша не просто терял возможность стрелять из лука — ему будет трудно даже держать кисть или пользоваться палочками для еды. О карьере чиновника теперь не могло быть и речи.

Чу Цзин, казалось, постарел на десять лет за одну ночь. Он сидел в кресле, не проронив ни слова. Было очевидно, что Цзи Сюнь всё тщательно спланировал. Если бы не эта хитроумная ловушка, в день визита Чу Чжаохуая в родительский дом в том ящике могла оказаться голова Чу Чжаоцзяна, а не просто пустые дары.

Молодой человек выплакал все силы и теперь неподвижно лежал на кровати, беззвучно роня слезы.

Лекарь, очистив рану от запекшейся крови, вышел из комнаты. На его лбу выступил холодный пот.

— Хоуе... — пролепетал он, запинаясь. — Эти... эти пальцы были отсечены больше суток назад. Если пытаться приживить их обратно... боюсь, мои скромные силы здесь бессильны.

Чу Цзин закрыл глаза. Он знал, что услышит нечто подобное, но в сердце всё еще теплилась слабая надежда.

— Прислали ли кого-нибудь из Императорской медицинской академии? — спросил он.

Слуга осторожно ответил:

— Люди уже отправлены с просьбой.

Хотя Его Величество и лишил усадьбу титула маркиза, указ еще не вступил в полную силу. К тому же Чу Чжаоцзян приходился племянником благородной наложнице Чу, так что в академии вряд ли решились бы так быстро отвернуться от них.

Проводив лекаря, Чу Цзин откинул полог и присел на край кровати.

Юноша, слышавший слова врача, задрожал всем телом. Лицо его, залитое слезами, исказилось от ужаса.

— Отец, я... неужели я больше никогда не смогу держать лук?

Чу Цзин скрыл боль в глазах и попытался успокоить сына:

— Я велел пригласить имперского лекаря Сюя. Несколько лет назад он сумел приживить человеку отсеченную кисть...

Не успел он договорить, как Чжаоцзян случайно бросил взгляд на свою окровавленную руку. Он истошно закричал, его глаза налились кровью, переходя в истерику:

— А-а-а! Я убью Цзи Сюня! Отец, я хочу, чтобы он сдох!

— Чжаоцзян, успокойся... — Чу Цзин попытался удержать его.

Сын заскрежетал зубами. Десять дней заточения и вечного страха почти лишили его рассудка. Он уставился в пустоту безумным взглядом, бормоча как в бреду:

— Я убью его... Я хочу его смерти... Разве не говорят, что он вот-вот подойдет? Почему он до сих пор жив?! Разве Чу Чжаохуай не проклятая звезда? Почему он до сих пор не свел мужа в могилу?!

Слова сменялись новыми рыданиями:

— Моя рука... зачем он это сделал?! Это был всего лишь глупец, занявший мое место, почему он уничтожил меня?!

Когда накануне Чу Цзин получил отсеченные пальцы сына, он от ярости и потрясения едва не выплюнул кровь. Тогда он решил, что Цзи Сюнь в очередной раз впал в безумие. Но сегодня в Зале Тайхэ он увидел Чу Чжаохуая — бледного, с перевязанной рукой. Юноша был вынужден есть левой рукой, очевидно, из-за какой-то травмы.

В ту же секунду бывшего маркиза осенило. Он понял, почему Цзи Сюнь лишил Чжаоцзяна пальцев.

Это было ради Чу Чжаохуая!

Чу Чжаоцзян казался окончательно лишившимся ума: он то плакал, то смеялся, то молил о пощаде невидимого врага, то осыпал Бога Несчастий проклятиями. Глядя на это, Чу Цзин ощущал, как в сердце разливается горечь.

В комнату вбежал управляющий, тяжело дыша:

— Хоуе! Хоуе... из медицинской академии...

Хозяин усадьбы мгновенно вскочил, напуская на себя беспристрастный вид, и поспешил навстречу:

— Имперский лекарь Сюй прибыл?

— Прибыл, — управляющий сглотнул, запинаясь. — И... Глава академии тоже пришел.

Чу Цзин замер. Юаньши?

Пока они говорили, двое лекарей под предводительством слуги с фонарем уже вошли во двор.

Возглавлял их мужчина, которому на вид едва исполнилось тридцать. Его лицо было непривычно молодым для такой должности. Очевидно, он пришел сразу после службы, так как на нем не было официального облачения — лишь белоснежные одежды, расшитые узорами журавлей и ветвями сливы. При каждом движении полы его халата взмывали вверх, точно крылья птицы.

Это был Бай Хэчжи — самый молодой Юаньши в истории Императорской медицинской академии.

Следом за ним семенил лекарь Сюй. Несмотря на лютый холод, его лицо было залито потом. Он беспрестанно шептал:

— Юаньши, господин Юаньши, умоляю, сохраняйте спокойствие. Будьте благоразумны.

Лицо Бай Хэчжи оставалось безмятежным. Встретившись глазами с Чу Цзином, он даже позволил себе легкую улыбку.

У собеседника невольно дернулось веко.

В следующее мгновение Бай Хэчжи, всё еще улыбаясь, резко взмахнул рукой. Из его широкого рукава сверкнула сталь — он выхватил нож и наотмашь полоснул в сторону лица Чу Цзина.

Зрачки того сузились. Словно предчувствуя удар, он в последний миг успел отшатнуться на полшага назад. Лезвие лишь свистнуло в воздухе, едва не задев кожу. Если бы он замешкался хоть на секунду, его жизнь могла оборваться здесь же.

Сопровождающие из академии тут же бросились наперерез, пытаясь удержать своего начальника.

— Юаньши, смените гнев на милость!

— Господин Юаньши, одумайтесь!

— Вы же не попали, господин, не попали!

Управляющий поместьем, опомнившись, истошно закричал, созывая стражу:

— Дерзость! Вы посмели совершить покушение на самого маркиза на глазах у всех! Это преступление, караемое истреблением девяти колен рода!

Бай Хэчжи, промахнувшись, небрежно отшвырнул нож и окинул присутствующих холодным взглядом:

— Прочь с дороги.

Люди растерянно переглянулись и были вынуждены разжать руки. Бай Хэчжи неспешно поправил свой белоснежный плащ и с коротким смешком бросил:

— Какой еще «маркиз»? Неужто вы не слышали, что за пренебрежение волей государя усадьба Чжэньюань лишена титула? Выдавать себя за маркиза — вот за это ваш род может отправиться на плаху куда раньше моего.

Управляющий поперхнулся словами. Чу Цзин, сохранив ледяное спокойствие, произнес:

— Даже если так, я всё еще министр чинов, чиновник второго ранга и важный столп государства...

— Ха! — издал Бай Хэчжи звук.

Собеседник осекся.

Юаньши с видом благовоспитанного ученого повернулся к лекарю Сюю:

— Вы слышите этот лай? Видимо, я плохо понимаю человеческую речь, раз не могу разобрать, что он там тьякает.

Лекарь Сюй: «...»

Чу Цзин: «...»

Лицо бывшего маркиза стало багровым от ярости:

— Бай Хэчжи!

— Что такое, господин министр? — холодно осведомился Бай Хэчжи. — Вы нашли в себе смелость нарушить указ государя и устроить подмену на свадьбе, так неужели теперь боитесь крепкого словца?

Хозяин усадьбы застыл. Снова этот Чу Чжаохуай.

Бай Хэчжи почти безвыездно жил в столице и редко бывал в Линьане. У него не могло быть общих дел с Чжаохуаем. Какого дьявола он сегодня явился сюда устраивать этот спектакль?

— Проводите господина Бая к выходу, — ледяным тоном приказал Чу Цзин.

Охранники тут же обступили его, намереваясь выдворить за ворота.

Юаньши брезгливо стряхнул руку управляющего со своего плеча, глядя на него как на кучу нечистот:

— Не смей меня трогать. Я уйду сам.

Уже развернувшись, Бай Хэчжи внезапно вспомнил кое-что еще. Он одарил лекаря Сюя мягкой, но многозначительной улыбкой:

— Лекарь Сюй, сердце целителя подобно сердцу родителя. Вы уж постарайтесь как следует вылечить второго молодого господина. Если добьетесь успеха, это будет великая заслуга. Я лично доложу об этом Его Величеству, и, глядишь, в скором времени вы займете место судебного лекаря-юаньпаня.

У лекаря Сюя от этих слов по лицу потек не только пот, но и слезы.

Закончив с угрозами, Бай Хэчжи вежливо кивнул и, взмахнув рукавами, зашагал прочь сквозь падающий снег. Чу Цзин проводил его взглядом, полным ярости. Тем не менее, подавив гнев,

он жестом пригласил имперского лекаря войти.

Тот, утирая холодный пот, осмотрел рану и обрубки пальцев Чу Чжаоцзяна. Его лицо выразило глубокое сомнение:

— Хоуе... этим пальцам... пошел второй день. Боюсь... дело почти безнадежное.

Чу Цзин смерил его ледяным взглядом. Лекарь Сюй готов был пасть на колени, он едва не плакал от отчаяния:

— Господин, я не боюсь угроз Юаньши Бая, клянусь! Но за эти два дня стоял лютый мороз. Сосуды и жилы на отсеченных пальцах перемерзли, да и на рану, судя по всему, попал какой-то едкий ядовитый порошок... Я правда... правда бессилён.

Бывший маркиз глубоко вдохнул и прикрыл глаза.

— Вы шутите, лекарь Сюй. Делайте всё, что в ваших силах. На остальное — воля небес.

Тот лишь покорно склонил голову.

Выйдя из усадьбы, Бай Хэчжи обернулся и посмотрел на четыре иероглифа «Усадьба маркиза Чжэньюань» над воротами. Презрительно усмехнувшись, он попытался лихо вскочить на коня.

...И не смог.

Конь был рослым, а Юаньши оставался всего лишь книжником — он даже ножом-то толком не попал, куда уж там в седло запрыгивать. Животное протащило его за поводья несколько шагов, и мужчина едва не растянулся на снегу, отчаянно пытаясь попасть ногой в стремя.

Слуга из усадьбы Бай, правивший каретой, поспешно окликнул его:

— Господин, когда вы слезали с коня, это заняло у вас добрую четверть часа! Здесь нет подставки для ног, прошу вас, садитесь в карету.

Бай Хэчжи нахмурился, оставил коня в покое и с мрачным видом забрался в экипаж. Слуга щелкнул бичом, и карета медленно тронулась с места.

Морщина на лбу Юаньши так и не разгладилась.

— Обман с подменой теперь признан самим государем, — пробормотал он. — Вызволить Чжаохуая из рук этого чудовища теперь будет труднее, чем взойти на небеса.

Слуга, знавший его с малых лет, заметил:

— А я-то думал, вам не по душе старший молодой господин.

Ведь каждый раз, возвращаясь в Линьань, Бай Хэчжи почти не обращал внимания на Чу Чжаохуая, присылая ему лишь какие-то недорогие сладости.

— В Линьане его жизнь и без того была несладкой, — помрачнел Юаньши. — Подари я ему что-то ценное, он бы не смог это сохранить — дети из других ветвей рода тут же отобрали бы подарок. Я был далеко в столице и не мог его защитить. Лучше было держаться в тени.

И вот теперь, едва Чу Чжаохуай оказался в столице, он попал в когти этого Бога Несчастий. Бай Хэчжи слышал, что у племянника тяжелая судьба, но и представить не мог, насколько. Все беды мира будто разом обрушились на него.

Видя, что господин не в духе, слуга решил сменить тему:

— Лекарь Сюй — признанный мастер в лечении таких ран. Говорят, он приживлял кисти рук спустя три дня после увечья. Если он и впрямь исцелит второго молодого господина... не выйдет ли вам боком ваша давешняя угроза?

— Мои слова были лишь способом досадить Чу Цзину, — холодно отозвался Бай Хэчжи. — Лекарь Сюй не станет намеренно калечить пациента из-за пары фраз. Просто...

Расклад сил в столице был слишком сложным, и лекарям трудно было оставаться в стороне. Имперский лекарь мог иметь связи с усадьбой Цзин-вана...

Слуга внимательно слушал, как вдруг на углу пустынной улицы показался великолепный, богато украшенный экипаж. На фонарях отчетливо виднелся иероглиф «Цзин».

Цзин-ван.

Бай Хэчжи приоткрыл занавеску. Колесница князя поражала роскошью: даже украшения на шеях коней были из чистого золота. Подковы звонко цокали по мостовой, а золотые подвески мелодично перезванивались в тишине ночи. Это зрелище разительно отличалось от скромной и тесной кареты Юаньши Бая.

Испуганный слуга поспешил свернуть в ближайший переулок, уступая дорогу княжескому поезду. Бай Хэчжи проводил экипаж бесстрастным взглядом.

Занавеска в карете Цзи Сюня была откинута. В мимолетном проблеске Юаньши успел заметить мужчину в тонком черном халате. Тот читал книгу, склонив голову; его черты были безупречны, но между бровей пролегла тень.

Словно почувствовав на себе взгляд, Цзи Сюнь внезапно вскинул голову. Бай Хэчжи резко задернул штору.

Инь Чжуншань, заметив движение глаз господина, настороженно огляделся. Его память была безупречна: узнав слугу, правившего лошадьми, он убрал руку с рукояти меча и доложил:

— Ванье, это карета главы академии Бай Хэчжи.

Цзи Сюнь без особого интереса отвел взгляд и вернулся к книге. Командующий Инь, кашлянув, осторожно добавил:

— Господин Бай, кажется, приходится дядей нашей Ванфэй.

Рука Ванье, переворачивавшая страницу, на миг замерла, но он тут же продолжил чтение с самым безучастным видом. Инь Чжуншань подтолкнул локтем правившего впереди Чжоу Хуаня.

— Чего тебе? — не оборачиваясь, буркнул тот.

Командующий чуть не заскрежетал зубами. Пришлось самому продолжать этот неловкий монолог.

— Судя по всему, господин Бай едет со стороны усадьбы Чу. Ванье, лекарь Сюй наверняка уже осматривает руку Чу Чжаоцзяна. Те обрубки приживить невозможно, но не стоит ли вызвать его позже в усадьбу для доклада?

Цзи Сюнь хранил молчание. Инь Чжуншань предпочел больше не раскрывать рта. Видимо, почувствовав, что атмосфера накалилась, простодушный Чжоу Хуань решил развеселить господина.

— Ванье! Когда я искал этого божественного лекаря Бай Цзи, то узнал, что в Линьане его ищут еще несколько групп людей. Только цели у них не как у нас — они его убить хотят. Я пару раз почти схватил его за хвост, но он, шельма, точно заяц: ногу подвернул, хромает, а удирает — только пятки сверкают! Ревет на бегу, а сам уже за горизонтом скрылся. Видать, привык к погоням, наловчился. Ха-ха-ха!

Инь Чжуншань: «...»

Цзи Сюнь: «...»

Командующий Инь готов был провалиться сквозь землю. Этот остолоп умудрился вставить свои пять копеек именно тогда, когда это было меньше всего нужно!

Пока они искали сведения о Чу Чжаохуае в Линьане, все в один голос твердили, что он был «тихим, послушным и безответным». Видимо, с самого детства он не знал тепла и заботы. Всё это время князь прикидывался воплощением добродетели, вскружив бедному юноше голову так, что тот поверил в свою удачу. А стоило тому расслабиться — и он стал пешкой в чужой игре.

Чу Чжаохуай наверняка не злился. Ему просто было больно и страшно. К тому же, пока усадьба Цзин-вана искала Бай Цзи для исцеления князя, враги Цзи Сюня стремились оборвать эту ниточку жизни.

Ванфэй, которого преследовали по пятам, который со сломанной ногой отчаянно пытался спастись... Всё это было по вине Цзи Сюня. Инь Чжуншань чувствовал, что зрелище получается прескверное. Если бы нужно было заслать шпиона во вражеский стан, Ванъе стоило бы отправить туда Чжоу Хуана лет на десять, чтобы тот до смерти заболтал всех своей несносной манерой речи. Каждое его слово попадало не в бровь, а в глаз.

Получив от Инь Чжуншаня чувствительный пинок, Чжоу Хуань так и не понял, за что, но, заметив помрачневшее лицо князя, прикусил язык. Остаток пути до усадьбы прошел в тяжелом молчании.

Была уже глубокая ночь, когда они вернулись. У входа их ждал дворецкий Чжао Бо. Заметив князя, он поспешил навстречу. Цзи Сюнь невольно бросил взгляд в сторону алькова.

Там было темно. Больше никто не жег свет, ожидая его возвращения, преодолевая сонливость.

Чжао Бо трусцой следовал за креслом, вполголоса докладывая:

— Ванъе, Ванфэй вернулся сам не свой. Он еще не оправился от болезни, поэтому я велел лекарю дежурить в боковом покое, на всякий случай.

Князь отвел взгляд и негромко спросил:

— Он...

— Что вы сказали, Ванъе? — переспросил старик.

Цзи Сюнь сменил тему:

— Он уже спит?

— Да, — ответил Чжао Бо. — Но произошло нечто странное. Ванфэй спросил...

Ванье вопросительно на него посмотрел. Дворецкий замялся, и тогда Инь Чжуншань поторопил его:

— Что он спросил?

Опасаясь гнева господина, Чжао Бо после долгого колебания осторожно произнес:

— Он спросил... можно ли ему больше не спать в алькове.

Брови князя едва заметно дрогнули. Командующий Инь, следя за выражением лица господина, спросил:

— Он объяснил причину?

— Шицзы тоже спрашивал об этом, — вздохнул Чжао Бо. — Он напомнил Ванфэй, что из-за особенностей вашего здоровья в спальне нельзя жечь уголь или топить печи, и без алькова он просто замерзнет. Спросил, чем же ему не угодило ложе? А Ванфэй ответил...

«Оно похоже на птичью клетку»

Изысканное убранство, занавеси из золотых нитей и нефрита, резные перила из драгоценного дерева наньму с узорами драконов и фениксов — всё это, согретое теплом жаровен, источало тонкий аромат. Даже бусины из черного дерева, за которые богатые дома отдали бы целое состояние, здесь служили лишь простым украшением.

В углу всё еще лежала куча апельсинов, которые от постоянного тепла уже начали подгнивать. Любая вещь здесь, казалось, стояла дороже самого Чу Чжаохуая.

Глядя на всё это великолепие, Чжаохуай вдруг вспомнил, как однажды в доме префекта осматривал молодого господина. Тот изнеженный юноша в золоте и шелках держал в руках прекрасную золотую клетку и забавлялся с птичкой внутри. Раз ее держали в золоте, она наверняка была редкой и дорогой.

Чжаохуай, не привыкший к такой роскоши, едва не забыл о своем достоинстве «божественного лекаря» и, едва сдерживая восторженный вздох, спросил тогда: «Что это за порода? Должно

быть, очень редкая?»

«Вовсе нет, — улыбнулся молодой господин, рассыпая зерна дорогого риса. — Обычная птица, пойманная в поле. Грош ей цена».

Чжаохуай был крайне удивлен. Простую птицу — и в золотую клетку? Ведь одно зерно этого риса стоило дороже самого существа.

«Надоело возиться с редкими певчими птицами, решил потешиться с обычной, — небрежно добавил юноша. — Поиграю немного, а как надоест — велю зажарить ее и съесть».

Тогда Чу Чжаохуай подумал, что богатые и власть имущие знают толк в развлечениях. Теперь же он сам оказался на месте той самой... обычной, но забавной птицы. Теперь, когда он выполнил роль пешки в низвержении маркиза, его наверняка скоро тоже «зажарят и съедят».

Сны были тяжелыми. Перед сном Чжаохуай выпил лекарство, чтобы унять щемящую боль в сердце, но забытье не принесло облегчения. По слову государя обман с подменой перестал существовать — теперь он был законной и полноправной Ванфэй Цзин-вана. Путь назад, в Линьань, был заказан навсегда.

Во сне ему виделось, что он наконец накопил денег и купил дом на берегу озера в Линьане, где можно было рыбачить целыми днями. Но не успел он насладиться покоем, как в его дом ворвались те самые сановники из Зала Тайхэ. Они кричали, что он самовольно занял покой князя, и кара за это — смерть. Его повалили на колени, и боль в голени заставила его обливаться холодным потом.

«Этот человек совершил тягчайшее преступление! Сварить его немедленно! Как желает Ванье: на пару или в соусе?»

Чжаохуай плакал во сне, пытаясь оправдаться: «Я не крал, я сам купил этот дом на свои деньги! Не ешьте меня!»

Цзи Сюнь в великолепных одеждах стоял неподалеку. Он смотрел на него сверху вниз холодным, безжалостным взглядом — точно таким же, как в Зале Тайхэ.

Чжаохуай в ужасе проснулся. За окном уже рассвело.

У его ног на складной скамье сидел лекарь, проверяя пульс. Заметив, что юноша открыл глаза, он поспешно произнес:

— Ванфэй очнулся.

Чу Чжаохуай долго смотрел в пустоту, на расшитые золотом занавеси алькова, пытаясь стряхнуть с себя остатки кошмара и гнетущее чувство обиды. Его взгляд был отсутствующим.

— Пора завтракать? — тихо спросил он.

Лекарь, сдерживая улыбку, мягко ответил:

— Отвечаю Ванфэй: повара уже готовят ужин.

Чжаохуай непонимающе моргнул. Видимо, усталость была слишком велика — вернувшись из дворца, он проспал до полудня следующего дня, и тело казалось совершенно чужим.

Услышав, что Ванфэй проснулся, дежуривший за дверью Чжао Бо поспешил войти:

— Ванфэй, повара приготовили вашу любимую рыбу. Поднимайтесь скорее к столу.

Юноша убрал руку из-под пальцев лекаря и, отвернувшись к стене, тихо проговорил:

— Не нужно. Я не голоден.

Лекарю не оставалось ничего иного, как удалиться. Чжао Бо, помня, что юноша только что спрашивал про завтрак, терпеливо уговаривал:

— Если нет аппетита, выпейте хотя бы рыбного бульона, чтобы согреться.

Накануне Чу Чжаохуай едва не погиб по воле императора. Хотя приступа не случилось, потрясение не прошло бесследно. Теперь, изнуренный душой и телом, он не хотел никого видеть.

— Спасибо вам, — прошептал он, собрав остатки сил. — Но я правда не смогу ничего съесть.

Дворецкий, слыша его слабый голос, был вынужден покинуть спальню.

В передней уже был накрыт стол: рыбные деликатесы томились на маленьких жаровнях, наполняя комнату аппетитным паром. Цзи Сюнь сидел рядом, просматривая бумаги, присланные Лу Уцзи. От жара огня на его лбу выступил пот; внутренний жар накатывал волнами, вызывая нестерпимый зуд во всем теле. Но он, сохраняя полное спокойствие, быстро пробежал глазами строчки доклада.

— В этом году снег просто безумный, — лениво заметил сидевший напротив Лу Уцзи. — В нескольких уездах рухнули крыши домов, люди остались без крова и теперь тянутся к столице.

Говорят, когда Линь Цэ поехал в лес Нанься проверять списки, он от вида этих толп беженцев едва не позеленел от злости. Ха-ха!

Князь с безучастным видом отложил бумаги и перевел взгляд на дверь, словно любуясь снегопадом. Лу-дажэнь, не умолкая, продолжал:

— Частные отряды Учан-вана пока не обнаружены. Если бы снегопад не был стихийным бедствием, я бы решил, что ты по ночам тайно молишься богам, чтобы небо помогло тебе замести следы.

Видя, что гость переходит границы дозволенного, Цзи Сюнь холодно бросил:

— Если не уберешься прямо сейчас, можешь оставаться здесь навсегда.

Лу Уцзи, решив, что князь не в духе из-за упоминания богов, лишь пожал плечами:

— Твой наследник сегодня опять в храме Хуго дрался за право зажечь первую свечу. Притащил с собой Инь Чжуншаня, чтобы тот пугал конкурентов. Распугал всех мальчишек, они там до сих пор рыдают. Ну и что я такого сказал?

Цзи Сюнь одарил командующего Инь ледяным взглядом. Тот, чье прикрытие так бездарно провалили, покраснел до корней волос и низко склонил голову:

— Виноват, Ванье.

Лу Уцзи, нимало не смутившись, потянулся палочками к еде:

— К тому же время уже позднее. Позволь мне перекусить с тобой, к чему эта враждебность?

Бог Несчастий хоть и слыл «бешеным псом», но свою ярость обычно обрушивал лишь на врагов. С теми же, кто не переходил ему дорогу, его нрав был вполне сносным — и Чжоу Хуань, и Лу Уцзи частенько позволяли себе лишнее.

Но стоило Лу-дажэню занести палочки над блюдом, как Цзи Сюнь едва заметным движением щелкнул по своим. Нефритовая палочка, точно стрела, со свистом пролетела в волоске от запястья гостя. Тот в ужасе отпрянул, едва не лишившись руки.

— Сегодня только двадцать восьмое число, твой приступ еще не скоро! — возмутился он. — Неужто тебе жалко одной рыбины? Неужели лишение жалованья сделало тебя таким скупердяем?

Князь не ответил, продолжая безучастно смотреть на снег. В этот момент вошел дворецкий Чжао. Цзи Сюнь отвел взгляд от окна и снова взялся за бумаги.

«Опять этот пес ломает комедию. Неужели в деле Учан-вана есть какие-то неясности?» — подумал Лу Уцзи.

Чжао Бо поклонился и негромко произнес:

— Ванъе, Ванфэй сказал, что у него нет аппетита. Он не придет.

— Вот и славно! — гость снова потянулся к еде. — Я как раз хотел рыбы... Ой!

Цзи Сюнь метнул в него вторую палочку. На этот раз она угодила прямо в запястье, и Лу Уцзи вскрикнул от боли:

— Цзи Минчэнь!

— Проводи гостя, — лениво обронил князь.

Инь Чжуншань, видя, что господин недоволен, молча покатило к выходу. Лу Уцзи лишь обиженно проворчал под нос:

— Совсем с цепи сорвался. Характер с каждым днем всё хуже и хуже.

Выпив лекарство, Чу Чжаохуай снова провалился в тяжелый сон. Когда он окончательно проснулся, на улице уже стемнело. В алькове свечей не зажигали, лишь тусклый свет из спальни проникал сквозь резные щели, ложась на его лицо причудливыми тенями птичьих узоров.

Аппетита по-прежнему не было, но от долгого сна во рту всё пересохло. Превозмогая слабость, он выбрался из алькова, чтобы выпить воды. Едва ступив на пол, он замер.

За столом при свете свечи сидел Цзи Сюнь. Его длинные черные волосы рассыпались по плечам, с них всё еще падали капли воды. Увидев его, Чу Чжаохуай тут же захотел вернуться обратно в тень.

— Проголодался? — спросил князь.

Юноша был вынужден остановиться. Не поднимая бледного лица, он тихо ответил:

— Отвечаю Ванъе: нет.

Цзи Сюнь задумчиво коснулся лежащей перед ним бумаги. Раньше этот юноша не знал даже основ этикета, а теперь невесть где набрался этих «отвечаю Ванъе».

Чжаохуай налил себе воды и принялся пить маленькими глотками. Князь внимательно его разглядывал. Юноша еще не достиг совершеннолетия, он был хрупок и тонок; даже Цзи И, который был младше его на два года, выглядел куда крепче и выше. В теплом свете свечи Чжаохуай в своем просторном белом одеянии казался почти прозрачным, точно лист бумаги.

В усадьбе почти всегда пользовались только холодной водой, а в такой мороз чай и вовсе подергивался ледяной коркой. Чжаохуай, привыкший к лишениям, не звал слуг. Он набирал полный рот ледяной воды и держал ее, пока она не согрелась, прежде чем проглотить.

Один сидел, другой стоял — в ночной тишине они казались совершенно чужими друг другу людьми. Утолив жажду, Ванфэй повернулся, намереваясь вернуться в альков.

— Хочешь спать на ложе? — внезапно спросил Цзи Сюнь.

Юноша замер. Он долго смотрел на князя непонимающим взглядом, прежде чем растерянно спросить:

— Ванъе... хочет разделить со мной ложе?

В конце концов, теперь он официально считался его Ванфэй.

Цзи Сюнь: «...»

Видя, что князь молчит, Чжаохуай почувствовал, как сердце уходит в пятки. Пытаясь скрыть растерянность, он из последних сил старался казаться спокойным:

— Но... я еще не принимал ванну, да и время позднее, ночь такая темная...

— Нет, — оборвал князь его испуганный лепет. Он устало потер переносицу, точно сдаваясь перед его непониманием. — Забудь. Иди спать.

Вся медлительность Чжаохуая исчезла без следа. Он, точно заяц, метнулся в альков, опасаясь, что в следующую секунду Бог Несчастий передумает и решит заявить на него свои права.

Цзи Сюнь: «...»

Сидевший на балке Чжоу Хуань не удержался от смешка и подмигнул Инь Чжуншаню:

— Хе-хе, я же говорил, лекарь удирает — только пятки сверкают! Вмиг испарился!

Инь Чжуншань промолчал. Он лишь подумал, что когда этого остолопа будут казнить, нужно держаться подальше, чтобы не забрызгаться кровью.

Цзи Сюнь посмотрел на темный проем алькова и холодно ответил на свои мысли. Так и должно быть. Чу Чжаохуай узнал, что он далеко не праведник. Узнал, что слухи о нем не лгут. Узнал его беспощадную суть...

Было вполне естественно, что этот пугливый юноша теперь дрожит от страха. Как он и ожидал, Чжаохуай при виде него бледнел от ужаса и мечтал лишь об одном — оказаться как можно дальше.

Чу Чжаохуай ничем не отличался от остальных.

Князь с холодным видом отложил бумаги. Обойдясь без кресла, он направился к ледяному ложу; полы его расшитого золотом одеяния развевались на холодном ветру. В его походке не было и следа увечья.

Увидев, что Ванье лег и закрыл глаза, Инь Чжуншань точным движением погасил свечу. В первую половину ночи дежурил Чжоу Хуань. После полуночи его сменил командующий Инь. Он только приготовился к дозору, как Цзи Сюнь, который должен был спать уже два часа, внезапно сел.

— Чжуншань.

Командующий тенью скользнул с потолка и опустился на одно колено. Его лицо было предельно серьезным.

— Какие будут приказания, Ванье?

Раз князь вызвал его к ложу в такой час, значит, случилось нечто крайне важное.

Обнаружили засаду Учан-вана?

Восточный дворец начал действовать?

Нашли брешь в счетах Цзиньлиня?

Или... неужели сегодня ночью они идут на штурм дворца?! Так скоро?

От одной этой мысли командующего прошиб холодный пот. Но в ответ он услышал лишь бесстрастный голос Цзи Сюня:

— Найди мастеров. Пусть изготовят полный набор золотых игл. Чтобы завтра к утру они были у меня.

Инь Чжуншань по привычке вытянулся:

— Слушаюсь!

И лишь мгновение спустя до него дошел смысл приказа. Он в оцепенении поднял голову.

«Ч-что?! Какие еще иглы?!»

<http://bllate.org/book/15341/1372788>